

А.А. Сочилин

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «МОРАЛЬ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XVII ВЕКА

Аннотация. Объектом исследования является история развития терминологии европейской моральной философии. Предметом исследования является трансформация этической терминологии в XVII в., в результате которой начался процесс формирования современного понятия "мораль" и ассимиляции традиционных понятий моральной философии в рамках его семантического поля. Изучается теоретический, текстологический, историко-философский и институциональный контекст этого процесса. Рассматривается происхождение и историческая динамика таких понятий как "мораль", "этика", "moralitas", "moralia", "jus naturale", "lex naturalis", "honestum", "honestas", "rectitudo".

Методы исследования включают лингвистические и общегуманитарные: анализ процесса семантического расширения указанных понятий, их морфемный анализ, контекстуальный анализ.

Терминологические трансформации связываются с концептуальными изменениями в рамках европейской моральной философии. В результате проведенного исследования уточнена этимология понятий "мораль" и "этика", их связь с латинским и греческим оригиналом. Эксплицированы сходства и различия их происхождения. Сделан вывод о решающем значении дискурса понятия "moralitas" в процессе формирования современного понятия "мораль", прояснен его теоретический контекст. Определены две взаимосвязанных философских традиции, в рамках которых проходил этот процесс (традиция естественного права и томистская традиция с её преимущественно аристотелианской этической терминологией), намечен круг текстов XVII в., в которых он фиксируется. Была обобщена историческая динамика и сформулирована пятиуровневая программа его дальнейшего исследования.

Ключевые слова: мораль, этика, нравственность, история понятий, история моральной философии, Франсиско Суарес, Гуго Гроций, естественное право, латинский язык, Самюэль Пуфендорф.

Review. The object of the research is the development history of the terms of European moral philosophy. The subject of the research is the transformation of ethical terms in the XVIIth century which started the process of formation of a modern definition of 'morals' and assimilation of traditional concepts and semantics of moral philosophy. In his research Sochilin examines theoretical, textological, historical-philosophical and institutional contexts of this process. He also describes the origin and historical dynamics of such terms as 'morals', 'ethics', 'moralitas', 'moralia', 'jus naturale', 'lex naturalis', 'honestum', 'honestas' and 'rectitudo'. The research methods include linguistic and general humanities methods such as analysis of the semantic extension of the aforesaid terms, their morphemic analysis and contextual analysis. The researcher relates these terminological transformations to conceptual changes in European moral philosophy. As a result of the research, the author clarifies etymology of the terms 'morals' and 'ethics' and compares them to their Latin and Greek originals. The author explicates similarities and differences in their origin, concludes that the term 'moralitas' has a crucial importance for the formation of today's definition of morals and describes the theoretical grounds thereto. He defines the two interdependent philosophical traditions the aforesaid process was part of (natural law tradition and Thomist tradition with primary Aristotelian ethic terminology) and outlines the scope of texts of the XVIIth century the process could be seen in. The author has also summarized historical dynamics and developed the five-level program for further research.

Key words: Latin, ethics, morality, history of concepts, history of moral philosophy, Francisco Suarez, morals, Hugo Grotius, natural law, Samuel Pufendorf.

Понятие о морали как отдельной области человеческого бытия, особенном измерении человеческой деятельности, особой социальной и культурной реальности принадлежит современной эпохе. Оно является

плодом развития моральной философии Нового времени, в результате которого язык этики сильно изменился, а предметность была обобщена и сфокусирована в понятии «мораль». Благодаря этому формирующееся понятие морали постепенно

ассимилировало ряд традиционных понятий моральной философии, схожих с ним по значению и значимости. Этот процесс занял не одно столетие – очень долгое время традиционные понятия моральной философии сосуществовали с «моралью» в ряду наиболее важных понятий. И именно они составили ближайший контекст формирования понятия «мораль». Этой статьей мы продолжаем исследования Р.Г. Апресяна и О.В. Артемьевой [1; 2].

Mores, moralia, moralitas

Чтобы удостовериться в том, что современное понятие морали действительно современно и не является традиционным для моральной философии, следует обрисовать общие контуры его ближайшего происхождения. Следует констатировать, что систематического исследования на эту тему пока не проводилось. Мы располагаем лишь отдельными ремарками специалистов по истории моральной философии. Возможно самая ранняя ремарка принадлежит Аласдайру Макинтайру [3, с. 39].

Слово «мораль» имеет латинское происхождение и перешло во все европейские языки именно из латыни. В русский язык оно пришло из французского. Считается, что слово «мораль» имеет этимологию, аналогичную этимологии слов «этика» и «нравственность» [4, с. 573]. Однако, помимо сходства, имеются существенные отличия.

Русское слово «мораль» появилось в XVIII в. Оно происходит от французского «moral» («мораль»). Существительное «moral», в свою очередь, происходит от прилагательного «moral», восходящего к латинскому «moralis» [5, с. 542]. Значение французского «moral» («моральный», «умственный», «духовный») отразило специфику позднесредневекового значения латинского «moralis»: «моральный» («moralis») был прежде всего противопоставлен «натуральному» (naturalis), моральная философия («philosophia moralis», изучающая «moralia» – «моральное») была противопоставлена естественной философии («philosophia naturalis», изучающей «naturalia» – «естественное»). В схоластической философии даже существовало представление о «моральном бытии» (esse morale), отдельном от «естественного бытия» (esse naturale) [6]. Релевантное современной моральной философии значение французского «moral» и русского «мораль» было обусловлено влиянием греческого «ἠθικά» и его производных.

Латинское слово «moralia», переведённое на английский как «morals» [7, с. 1149], является точным аналогом греческого «ἠθικά». (Например в переводе названия одного из этических трактатов Аристоте-

ля: «Ἠθικὰ Μεγάλια» – «Magna Moralia» – «Большая этика».) Оба слова образованы с помощью аналогичных суффиксов прилагательных – «-al-» и «-ic-». Оба являются субстантивированными прилагательными множественного числа среднего рода, т.е., прилагательными, использующимися в качестве существительных. Сравни в русском: настоящий – настоящее, живой – живое. Такого рода субстантивированные прилагательные использовались «для обозначения всех или многих предметов одного и того же свойства» [8, с. 368] – как в латинском, так и в древнегреческом [9, с. 66]. Сравни в русском: прошлый – прошлое, т.е. совокупность того, что является прошлым, животный – животное, т.е. совокупность того, что относится к животным и т.п. В данном случае это свойство заключается в отношении к характеру, нраву и устоям поведения – в соответствии со значением слов «mos» («нрав, характер, обычай») и «ἦθος» («нрав», «характер»).

Ни «ἠθικά», ни «moralia» изначально не являлись существительными (также как английские слова «morals» и «ethics»). Предмет этики был определен только через указание на этот круг «этического» или «морального». Так Аристотель в «Топике» (105b20–23) указывает на то, что «имеется три вида положений и проблем»: этические (ἠθικαί), физические (φυσικαί), логические (λογικαί) [10, с. 306–307]. Однако русский перевод первого слова вводит в заблуждение: «положения, касающиеся нравственности» [11, с. 363]. Аналога современно-го понятия «мораль» не было.

Существительные: латинское «ethice», английское «ethic», французское «ethique», а вслед за ним и русское «этика» [12, с. 454], происходят от выражений «ἠθικὴ τέχνη» («этическое искусство») [13, с. 259] или «ἠθικὴ φιλοσοφία» [14, с. 623] («этическая философия», на латыни – «philosophia moralis»). Таким образом, слово «этика» исторически относится к философской дисциплине «этика», а не к её предмету. Аналоги «ἠθικά» и «moralia», являющиеся обозначением предмета («этическое» или «моральное»), в русском языке отсутствуют.

Если «moralis» появилось в латинском языке для перевода древнегреческого слова «ἠθικός» [14, с. 1133], то слово «moralitas» было оригинальным латинским образованием и не имело аналога в древнегреческом. Оно образовано от прилагательного «moralis» с помощью суффикса «-tat» и представляет собой так называемое «nomen qualitatis» (имя качества) [15, с. 133]. (Сравни в русском: «смелость» – имя качества «быть смелым», производное от прилагательного «смелый».) На русский язык его буквально можно перевести как «моральность», используя русский суффикс «ость»,

аналогичный латинскому «tat». От «moralitas», через французское «moralité» (в русском – «моральте»), образовано английское «morality» (изначально в значении «нравоучение», «нравоучительная пьеса», «нравоучительный смысл») [13, с. 475; 7, с. 1149]. После становления латинского «moralitas» как термина схоластической философии, к семантике слова «morality» добавилось значение «этика, мораль». Русский ряд слов «нравы» – «нравственный» – «нравственность» повторяет логику латинского ряда «mores» («нравы») – «moralis» – «moralitas», используя однако исключительно русские словообразовательные инструменты.

Сложность установления происхождения всех упомянутых слов в новых языках заключается в том, что их значение сформировалось под перекрестным влиянием всех трёх ключевых для этики латинских слов: «mores» («нравы», «обычаи», «устой поведения»), «moralia» («моральное», «касающееся человеческой деятельности») и «moralitas» («моральность»). Но это же обстоятельство сделало возможным формирование современного понятия «мораль», для которого ключевым стало влияние значения термина «moralitas» в значении человеческой способности к разумным и свободным действиям.

Изначально «moralitas» представляло собой абстрактное существительное, которое обозначало только признак «моральности», но не предметное поле моральной философии. Для обозначения последнего использовалось слово «moralia» («моральное», «касающееся человеческой деятельности»). В то же время, для обозначения содержания, являющегося предметом современной сферы морали, употреблялись и другие понятия (естественное право, естественная справедливость, «honestas» и другие, о них речь пойдет ниже). «Moralitas» было одним из них, но употреблялось очень редко.

Именно в XVII в. понятие «moralitas» начинает выходить на первый план в морально-философских рассуждениях – этот термин используют для обозначения всей сферы сущностей, чье родовое свойство («моральность») он обозначает – то есть, всей сферы разумных и свободных действий. Иллюстрации этого процесса будут даны ниже. Расширение значения термина «moralitas», произошедшее в результате неких теоретических трансформаций в рамках моральной философии, привело к формированию современного понятия морали и ассимиляции традиционных понятий моральной философии в рамках его семантического поля.

В XVII и большей части XVIII в. латынь остаётся основным языком моральной философии, но есть и отдельные значимые тексты на французском, не-

мецком и английском языках. Для понимания терминологии на национальных языках важно знать латинскую терминологию. Это прекрасно понимал И. Кант, любезно указывая для своих читателей латинский оригинал или аналог каждого немецкого термина.

«Moralitas» использовалось начиная с III в. н.э. Значение этого слова сформировалось в трудах отцов Церкви, в частности у Тертуллиана и Амвросия Медиоланского в рамках наставлений в христианском благочестии. Однако как термин моральной философии (в новом значении) оно начало использоваться только в XIII в. В этом можно убедиться, заглянув в любой словарь или глоссарий средневековой латыни.

Первый случай употребления этического термина «moralitas» зафиксирован в «Сумме Теологии» Фомы Аквинского. В этой работе термин «moralitas» обозначает качество «человеческих действий» («actus humani») быть «моральными действиями» («actus morales»), однако используется лишь эпизодически (I^a-II^{ae} q. 18 a. 6 co.) [16, с. 701]. Есть большой соблазн перевести термин «actus moralis» привычным словосочетанием «нравственный поступок», однако такой перевод ошибочен. Дело в том, что латинская фраза не является оценочной. «Actus» здесь означает не поступок (с чисто нравственными коннотациями), но всякое действие вообще. Так, например, в моральной философии того времени обсуждалось место «actus voluntatis» (действия воли) в структуре морального действия. Сравни также последний перевод этого отрывка на русский язык, в котором термин «actus moralis» также переведён как «моральное действие» [17, с. 217].

Дальнейшее развитие это понятие получает в традиции комментариев на «Сумму Теологии», среди которых – работа важнейшего представителя второй схоластики Франсиско Суареса «De bonitate et malitia humanorum actuum» («О добре и зле человеческих действий»). В этой работе «moralitas» используется в качестве ключевого понятия «первого рассуждения» («disputatio prima»), в котором определялся объект исследования, т.е. человеческие действия («actus humani») – «О моральном действии в общем и что в нём есть моральность» («De actu morali in communi, quidque in eo sit moralitas») [18, с. 199]. Однако то, что делает человеческие действия моральными, Суарес обозначает не только как «moralitas», но также как «ens morale» («моральное сущее») и «esse morale» («моральное бытие») [6]. Например, в начале указанного первого рассуждения заголовок перефразируется как «О моральном действии в общем, что

в нём есть моральное бытие» [18, с. 201]. Таким образом, на данном этапе содержание понятия «moralitas» разрабатывалось, но сам термин не был ещё выделен из ряда синонимичных ему понятий.

У Суареса «moralitas» обозначало качество человеческого действия быть свободным и разумным – в противоположность природной составляющей действия, не зависящей от человека. Под моральностью человека понималась его обращенность к совершению добра или зла и сама возможность такой обращенности. Это понятие было теоретически нагруженным и имело не оценочные, но метафизические коннотации.

Как видно, современное понятие морали ни в коем случае не является адекватным эквивалентом «moralitas». Хотя именно развитие представления о «moralitas» как сущности моральных действий сыграло решающую роль в формировании понятия морали, куда ближе к нему были другие, более распространенные и более традиционные для европейской моральной философии понятия – естественное право, естественная справедливость, «rectitudo» («правильность»), «probitas morum» («порядочность характера»), «honestas» («нравственная красота, нравственное достоинство»). Их смысловое содержание составило значительную часть семантики современного понятия «мораль».

Естественное право, естественный закон, естественная справедливость

Крайне важное для европейской моральной философии понятие «естественное право» («φυσικὸν δίκαιον», «jus naturale») возникло ещё в древнегреческой философии. Естественное право было противопоставлено установленному праву («νομικὸν δίκαιον», jus positivum). Это противопоставление возникло на пересечении дискурсов двух основополагающих для философской мысли понятий: «νόμος» (закон, установление) и «φύσις» (природа, происхождение). Считается, что именно с противопоставления человеческих установлений и данного от природы начался процесс «выделение этики как особого аспекта философии в европейском культурном регионе» [4, с. 574].

Классическая дефиниция естественного права представлена в пятой книге «Никомаховой этики» Аристотеля [19, с. 103; 18, с. 160], но для новоевропейской моральной философии определяющим является определение, данное Гуго Гроцием в трактате «О праве войны и мира» («De Jure Belli ac Pacis», 1625). В нем артикулированы наиболее существенные для Новой философии элементы традиции естественного права:

«Естественное право есть предписание верного разума (rectae ratiōnis), указывающее на то, что некоторому поступку, в зависимости от его согласия или несогласия с самой разумной природой (natūra rationali), присуща моральная постыдность или моральная необходимость, и также, следовательно, на то, что такой поступок или предписывается или запрещается Богом, творцом природы» [21, с. 34; 22, с. 71]. (Здесь и далее все места из латинских текстов даны в нашем переводе. Если существуют изданные переводы этих текстов на русский или английский, мы даём ссылки и на них, чтобы читатель мог ознакомиться с контекстом цитируемого отрывка.)

Чтобы прояснить значение использованных в этой формуле понятий и их соотношение, уместно обратиться к трактату Франсиско Суареса «De Legibus, ac Deo legislatore» («О законах и Боге-закондателе», 1612) [23; 24], в котором проясняются все те понятия, которыми Гроций воспользовался в своей работе. Влияние Суареса на Гроция в настоящее время считается доказанным [25, с. 88–89]. Не говоря уже о том, что Суарес прояснял общие понятия схоластической философии, которые продолжали циркулировать как в научных работах, так и в университетском образовании.

В формуле Гроция естественное право не имеет никакого отношения к «слепым силам природы» или «природной необходимости», но имеет чисто интеллектуальную природу. Связь же естественного права с концептом «естественное состояние» («status naturalis») проявляется в сопоставлении с развитием позитивного (волеустановленного) права. Это сопоставление является существенным, поскольку естественное право мыслилось всегда как часть системы права, точнее как её независимое от какого-либо волеизъявления основание. При этом по мере развития позитивного права и усложнения реалий общественной жизни, предметное поле естественного права также возрастает. – Подобно тому, как теория той или иной научной дисциплины усложняется по мере её развития и нарастания массива эмпирических данных.

Выражение «естественный закон» («lex naturalis») уже содержит идею императивного подкрепления естественного права, в то время как выражение «естественное право» («jus naturale») и «естественная справедливость» («justitia naturalis») акцентируют идею самоочевидности его предписаний. Так Суарес, говоря о «естественном законе» уточняет, что «этот закон предполагает нечто, что принадлежит к должному по сути своей (intrinsicum) от природы <...> Но в дополнение к этому должному закон добавляет специаль-

ную моральную обязанность, и мы называем её эффектом этого закона. Юристы обычно называют эту обязанность естественной – не потому, что она не моральна, но чтобы отличить её от гражданской (civilis)» [23, с. 78; 24, с. 225].

Важным аргументом в пользу того, что новоевропейское понятие естественного права оказало серьёзное влияние на формирование понятия морали, является его связь с концепцией совести. «Естественный закон», будучи суждением разума («dictamen ratiōnis»), а не элементом внешнего принуждения, действует только в рамках совести человека. Суарес называет его «правилом совести» («regula conscientiae»): «...воздействие закона, который может быть рассмотрен в качестве естественного, непосредственно проистекает от суждения разума; ведь оно направляет, обязывает, и является правилом совести, которая порицает или одобряет содеянное; следовательно, в нём и состоит закон такого рода <...> естественный закон должен полагаться в разуме как ближайшем и внутреннем правиле человеческих действий» [23, с. 68; 24, с. 185].

«Естественный закон» универсален. В этом отношении выражение «естественный закон» (в морально-философском, а не естественнонаучном смысле) по значению схоже с современным выражением «моральный закон». Универсальность «естественного закона» понимается у Суареса в совершенно рационалистическом духе: «Ведь естественные принципы, посредством которых человек должен быть направляем в моральных вопросах, настолько общи, что охватывают практически всякую обязанность, так что никакая обязанность не может быть атрибутирована человеку, кроме как через посредство тех принципов; и потому как всякое знание человеческое есть следствие первых принципов, так всякая обязанность в сознании (conscientia) будет следствием естественного закона – во всяком случае, в той мере, в каком он включает в себя эти первые принципы» [23, с. 79; 24, с. 229].

Более того, в трактате Суареса можно проследить намеки на синонимичность (в определённом контексте) выражений «естественный закон» и «моральный закон». Так, в одном месте говоря о естественном законе (как самой по себе необходимой («per se necessaria») и неотъемлемой части божественного закона) Суарес называет его – «закон божественный моральный или естественный» [23, с. 48; 24, с. 135]. Это употребление двух близких в этом контексте характеристик, по-видимому, должно было подчеркнуть высшую нормативность этого закона. Возможно «моральный» здесь озна-

чает «распространяемый на все моральные действия», в отличие от волеустановленных законов, которые распространяются только на некоторые группы «моральных действий» – закон и у Суареса, и у Гроция по определению есть «правило моральных действий» («regula actuum moralium») [21, с. 3; 22, с. 70; 23, с. 6; 24, с. 24].

Близкое к «естественному праву» и «естественному закону» выражение «естественная справедливость» («iustitia naturalis») во второй половине XVII – первой половине XVIII в. начало использоваться как определение или синоним «moralitas» – например, у Лейбница в «Новом методе обучения и изучения юриспруденции», 1667 [26, с. 300–301]. То же с «morality» – Например, в трактате Р. Кадворта о «вечной и неизменяемой морали», 1731 [2, с. 115]. Таким образом, форма свободного и разумного действия, которую обозначало это понятие, дополнялась содержанием предписаний естественного права [2, с. 115].

Rectum, honestum, rectitudo, probitas, honestas

Если «moralitas» и «jus naturale» заключают в себе некоторое теоретическое осмысление морали, то термины «rectum», «honestum», «rectitudo», «probitas», «honestas» являлись оценочными понятиями. Можно сказать, что в этом оценочном значении понятие «нравственность» («moralitas») существовало уже в IV в. н.э. в сочинениях Амвросия Медиоланского. Так «Глоссарий средневековой и поздней латыни» Дю Канжа трактует «moralitas» в частности как «morum probitas» («порядочность характера») со ссылкой на одно из произведений Амвросия Медиоланского [27, с. 515]. Однако «moralitas» в этом смысле употреблялось в достаточно специфическом контексте. В основном же, в качестве обозначения положительного качества характера и образа действий употреблялись прилагательные «probus» («добротный», «порядочный»), «rectus» («правильный»), «honestus» («достойный уважения», «славный»). Образованные от них абстрактные существительные обозначали само это положительное качество: «probitas» («порядочность»), «rectitudo» («правильность»), «honestas» («нравственная красота», «нравственное достоинство»). Логика развития значения этих прилагательных от общего к специфически нравственному такая же, как у греческого «ἀρετή», которое изначально означало любое положительное качество вообще, а затем добротность в этическом отношении («добродетель»).

Двигателем этого развития, берущего свое начало в античности, является размышление о том,

какое качество (действия и действующего) наиболее положительно, наиболее желаемо и достойно. Поскольку единого имени для этого качества не существовало и не представлялось возможным дать его исчерпывающее определение, оно описывалось остенсивным (указательным) определением: поступать следует так, как следует, и как поступает хороший или мудрый человек. Эту логику хорошо иллюстрирует Цицерон, который ввел в оборот понятия «honestum» и «honestas» [14, с. 801]. В одном пассаже из трактата «О пределах добра и зла» он говорит о трёх путях понимания того, что же такое «нравственно-прекрасное» («honestum»): по определению – похвальное по природе своей (не слишком надежный метод, по мнению Цицерона); по общему суждению всех людей; по стремлениям и делам всех самых лучших людей, «которые очень много делают только по той причине, что это подобает делать, что это правильно (rectum), что это достойно (honestum), даже если они не имеют ввиду никакой достигаемой в результате этих действий выгоды» [28, с. 94; 29, с. 220–221].

Способность отделять правильное, подобающее и нравственно прекрасное было в центре внимания уже у Цицерона. В начале XVII в. Суарес через указание на неё определяет суть «естественного закона» (lex naturalis) с точки зрения этики и теологии: «Следовательно, собственно естественный закон, который относится к моральному учению и теологии, есть то, что есть в человеческом уме для отличия достойного (honestum) от позорного» [23, с. 10; 24, с. 42].

Если «honestum» («нравственно прекрасное») и «rectum» («правильное») обозначало предмет этической рефлексии, то «honestas» («нравственная красота», «нравственное достоинство») и «rectitudo» («правильность») представляли собой некоторое качество человека и его поступков (так же как и «probitas»-«порядочность»). И если «honestas» указывает на некий этико-эстетический идеал, некоторое высшее достоинство действия и поведения, то «rectitudo» указывает на соответствие действия и поведения какому-то конкретному, существующему правилу («regula»). По своему значению оно близко к семантике «jus» и «justitia». Его буквальный перевод на русский, хорошо отражающий этот смысл соответствия – «правильность» («rectitudo» и «regula» – однокоренные слова).

С другой стороны, и «honestas», и «probitas» также связывались с правом вообще и естественным правом в частности. Так, Суарес определяет цель закона как достижение «порядочности (probitas) и нравственного достоинства (honestas)

подчинённых ему людей» [23, с. 37]. В другом месте он называет «разумную природу» («natura rationalis») «основанием нравственной красоты (fundamentum honestatis) моральных действий людей, чего нельзя сказать о законе», поскольку последний представляет собой как бы более узкое «мерило» («mensura») человеческих действий [23, с. 67; 24, с. 81].

Прилагательное «honestus» в своем нравственном значении могло употребляться как синоним «moralis». Так в «Философском лексиконе» (1613) марбургского профессора Рудольфа Гоклениуса вместо выражения «actus moralis» употреблено выражение «actus honestus seu ethicus» («действие достойное или нравственное») [30, с. 50]. Но сама «honestas» при этом уже определяется как «bonitas moralis» («моральная благодать», «моральная доброкачественность»), хотя и с сохранением коннотаций почетности, похвальности. «Bonitas moralis», в свою очередь, трактуется как «отношение вещи с моральным законом» [30, с. 342]. Из этой же интерпретации исходит перевод «honestas» на английский как «moral goodness». Точно так же, по мере увеличения значимости понятия «moralitas», слово «rectitudo» (в его морально-философском смысле) начинает употребляться с дополнительной характеристикой – «rectitudo moralis» [23, с. 6; 24, с. 24].

Контексты разработки понятия «moralitas»: иезуитская схоластика и «истории естественного права»

Приблизительно в начале XVII в. в морально-философской терминологии начался процесс трансформации: описанные выше традиционные понятия моральной философии начали сопоставляться с понятием «moralitas», приравниваться к нему и, наконец, определяться через него. Показателем этой ассимиляции стало уточнение этих понятий с помощью прилагательного «moralis».

Наиболее отчетливая тенденция разработки содержания понятия «moralitas» представлена в традиции комментариев на «Сумму теологии» Фомы Аквинского, в рамках которой подробно разрабатывались все отдельные аспекты его учения. Основанное в 1534 г. «Общество Христа» (орден Иезуитов) стало главной институциональной базой этой работы. Оно получило своего философского лидера в лице Франсиско Суареса (1548–1617), который впервые специально разрабатывал понятие «moralitas». Его влияние и авторитет способствовали тому, что уже в 1624 г., в Париже вышла книга иезуита Эгидия де Конинка, в заглавии которой присутствовало это понятие – «Четыре книги о мо-

ральности, природе и эффектах сверхъестественных действий вообще и о вере, надежде и любви в особенности» [31].

Поскольку иезуиты вели активную образовательную деятельность во многих странах Европы, их терминология была, по-видимому, широко известна [32]. Возможно, именно этим обуславливается рецепция «moralitas» в протестантских странах Европы.

Вторая значимая традиция разработки понятия «moralitas» (из тех, что нам удалось обнаружить на настоящий момент) – традиция, которую Тим Хохштрассер обозначил как «истории морали» («histories of morality») [33, с. 1–39]. (Правда, вопрос, не правильней ли будет в данном случае перевести morality как моральность, остаётся открытым.) Речь идёт о жанре историко-философского рассуждения, в рамках которого описывается развитие идей Гуго Гроция, рассматриваемого как основателя истинной «науки естественного права». Многие из произведений этого жанра представляли собой предисловие к изданию сочинения какого-либо значимого автора. Первым таким произведением считается книга Самюэля Пуфендорфа «Свидетельство противоречий по поводу естественного права у него самого недавно возникшие» [34], точнее, первая глава этой книги – «О происхождении и развитии науки естественного права» («De Origine et Progressu Disciplinae Iuris Naturalis»).

Книга Пуфендорфа представляет собой пример того как терминология уходящей традиции (схоластики) используется при разработке новой, перспективной и влиятельной теории – новой «науки естественного права» Гуго Гроция [35, с. 66–81; 36]. В пятой главе этой книги Пуфендорф анализирует схоластическую проблему структуры человеческого действия. Глава называется «О происхождении моральности и безразличности физического движения в человеческом действии» («De Origine Moralitatis et Indifferentia Motus Phisici in Actione Humana») [34, с. 124]. Возможно, именно вопрос о возникновении способности человека к разумному и свободному действию явился главным катализатором возникновения понятия о морали как имманентного человеку, выделенной в ряду других измерения его существования.

Важность традиции «историй морали» и её преимущество перед схоластической и иезуитской традицией заключается в том, что, в отличие от последней, «истории морали» переводились с латыни, а затем и писались на французском, немецком и английском. Таким образом закладывался фундамент для формирования понятия морали в национальных языках.

Вероятно, существовали и другие контексты, в рамках которого проходил процесс семантического расширения понятия «moralitas», ассимиляции традиционных понятий моральной философии на основе «moralitas» и формирования в национальных языках понятия морали. Однако рассмотрение указанных двух традиций уже даёт некоторое представление об исторической динамике этого процесса. На уровне понятий: новые термины достаточно органично «выросли» из старых, но, благодаря неким концептуальным трансформациям, становятся основой для их обобщения и ассимиляции. На уровне философских традиций: предпосылки для формирования понятия морали были созданы в результате детальной проработки классических текстов, попытки подробно разработать то, что в них было лишь намечено. Затем, в ситуации новых, гораздо более динамичных и революционных учений, проходит селекция, набор из тезауруса разветвлённой системы схоластических понятий тех терминов, которые в наибольшей степени подходят для выражения новых идей.

Задача исследования проблемы формирования понятия «мораль» и сопутствующих ему терминологических трансформаций предусматривает несколько направлений или уровней работы. Первый уровень – картография семантики и ближайшего происхождения понятия морали, исследование путей усвоения латинской этической лексики новыми языками. Второй уровень – изучение системы понятий, сложившейся вокруг триады «mores» – «moralia» – «moralitas» к периоду раннего Нового времени. На этом уровне следует отделить действительные константы значения от тех элементов, чья подвижность обеспечила возможность терминологической трансформации. Также, следует уточнить сетку близких к «морали» понятий, которые были в той или иной степени ассимилированы в рамках понятия морали. Третий уровень – изучение контекстов и традиций, в рамках которых эта трансформация происходила, выделение линий преемственности. На четвёртом уровне должен быть проведён анализ концептуальных трансформаций или сдвигов в теоретических представлениях, явившихся причинами глубинных изменений в терминологии. И, наконец, пятый уровень исследования должен дать ответ (или уточнить имеющиеся) на вопрос о том, какие изменения в философском понимании человека стали причиной и концептуальным основанием современного понятия морали, или – какие сущностные черты современной моральной философии остаются недостаточно отрефлексированными.

Список литературы:

1. Апресян Р.Г. От «дружбы» и «любви» – к «морали»: об одном сюжете в истории идей // Этическая мысль. Вып. 1 / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: ИФРАН, 2000. С. 182–194.
2. Артемьева О.В. Формирование этического языка (на материале новоевропейской этики) // Философский журнал. 2010. № 2(5). С. 111–121.
3. MacIntyre A. After Virtue: a Study in Moral Theory. 2nd ed. Notre Dame (Indiana): Notre Dame University Press, 1984. 286 p.
4. Гусейнов А.А. Этика // Этика: энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 573–581.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. 624 с.
6. Вдовина Г.В. «Моральное бытие» и лингвистические знаки в постсредневековой схоластике // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 130–141.
7. Oxford Dictionary of English. Oxford: Oxford University Press, 2010. 2110 p.
8. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология и синтаксис. СПб.: Университетская книга, 2009. 432 с.
9. Славятинская М.Н. Учебник древнегреческого языка. М.: Филоматис, 2003. 620 с.
10. Aristotle: Posterior Analytics. Topica. London: William Heinemann Ltd, 1960. 755 p.
11. Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1978. 687 с.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. 560 с.
13. Klein E. Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Elsevier Publishing Company, 1971. 844 p.
14. Glare P.G.W. Oxford Latin Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1968. 2126 p.
15. Боровской Я.М., Болдырев А.В. Учебник латинского языка для гуманитарных факультетов университетов. М.: Высшая школа, 1975. 479 с.
16. Deferrari R.J., Barry, Sister M. Inviolata and McGuinness I. A Lexicon of St. Thomas Aquinas, based on The Summa Theologica and Selected Passages of His Other Works. Catholic University of America Press, 1948. 1185 p.
17. Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 3 / Пер. с лат. А.В. Апполонова. М.: Сигнум Веритатис, 2008. 752 с.
18. Suarez F. De bonitate et malitia humanorum actuum // Suarez F. Tractatus quinque theologici ad primam secundae D. Thomae. Lugdunum: Iacobus Cardon, 1628. P. 199–327.
19. Aristotelis Ethica Nicomachea / Ed. by Ingram Bywater. New York: Cambridge University Press, 2010. 280 p.
20. Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
21. Groot H. De iure belli ac pacis / Ed. B.J.A. de Kanter-van Hettinga Tromp. Leiden: E.J. Brill, 1939. 1046 p.
22. Гроций Г. О праве войны и мира / Пер. с лат. А.Л. Саккетти. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
23. Suarez F. De legibus, ac deo legislatore. Moguntia: Mylius Birckmannus, 1619. 725 p.
24. Suarez F. A Treatise on Laws and God the Lawgiver // Selections from Three Works of Francisco Suárez, S.J. / The translations, prepared by Gwladys L. Williams, Ammi Brown and John Waldron, with revisions by Henry Davis. Oxford: Clarendon Press, 1944. P. 3–646.
25. Irwin T. The Development of Ethics. Volume 2: From Suarez to Rousseau. Oxford: Oxford University Press, 2008. 936 p.
26. Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe / Ed. Preussischen Akademie der Wissenschaften. Series six, vol. 1. Darmstadt: Otto Reichl Verlag, 1930. 593 p.
27. Du Cange et al. Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. 10 Voll. Vol. 5. Niort: L. Favre, 1885. 659 p.
28. Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / Пер. с лат. Н.А. Федорова. М.: РГГУ, 2000. 474 с.
29. Cicero. De Finibus Bonorum et Malorum: Libri Quinque / D. Io. Nicolaus Madvigius recensuit et enarravit. Cambridge University Press, 2010. 869 p.
30. Goclenius R. Lexicon philosophicum. Francofurtus: Matthias Beckerus, 1613. 1143 p.
31. Aegidius de Coninck. De moralitate, natura et effectibus actuum supernaturalium in genere et fidei, spe, ac charitate, speciatim, libri quatuor. Lutetia Parisiorum: Edmundus Martinus, 1624. 597 p.
32. Корзо М. А. Педагогическая система иезуитов // История образования и педагогической мысли в эпоху Древности, Средневековья и Возрождения / Под ред. Т.Н. Матулиса. М.: Изд-во РУДН, 2004. С. 469–532.
33. Hochstrasser T.J. Natural Law Theories in the Early Enlightenment: Contexts and Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 246 p.
34. Pufendorf S. Specimen controversarium circa jus naturale ipsi nuper motarum. Osnabrugus: Johann Georgius Schwanderus, 1678. 270 p.
35. Schneewind J.B. The Invention of Autonomy: A History of Modern Moral Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 652 p.
36. Darwall S. Grotius and the Creation of Modern Moral Philosophy // Darwall S. Honor, History, and Relationship: Essays in Second-Personal Ethics II. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 156–188.

References (transliteration):

1. Apresyana R.G. Ot «druzhby» i «lyubvi» – k «moralii»: ob odnom syuzhete v istorii idei // Eticheskaya mysl'. Vyp. 1 / Pod red. A.A. Guseynova. M.: IFRAN, 2000. S. 182–194.
2. Artem'eva O.V. Formirovanie eticheskogo yazyka (na materiale novoevropeiskoi etiki) // Filosofskii zhurnal. 2010. № 2(5). S. 111–121.

3. MacIntyre A. *After Virtue: a Study in Moral Theory*. 2nd ed. Notre Dame (Indiana): Notre Dame University Press, 1984. 286 p.
4. Guseinov A.A. *Etika // Etika: entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. R.G. Apresyana i A.A. Guseinova*. M.: Gardariki, 2001. S. 573–581.
5. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. T. 1*. M.: Russkii yazyk, 1999. 624 s.
6. Vdovina G.V. «Moral'noe bytie» i lingvisticheskie znaki v postsrednevekovoi skholastike // *Voprosy filosofii*. 2008. № 12. S. 130–141.
7. *Oxford Dictionary of English*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 2110 p.
8. Sobolevskii S.I. *Grammatika latinskogo yazyka. Teoreticheskaya chast': Morfologiya i sintaksis*. SPb.: Universitetskaya kniga, 2009. 432 s.
9. Slavyatinskaya M.N. *Uchebnik drevnegrecheskogo yazyka*. M.: Filomatis, 2003. 620 s.
10. Aristotle: *Posterior Analytics*. Topica. London: William Heinemann Ltd, 1960. 755 p.
11. Aristotel'. *Sobr. soch.: v 4 t. T. 4*. M.: Mysl', 1978. 687 s.
12. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. T. 2*. M.: Russkii yazyk, 1999. 560 s.
13. Klein E. *Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. Elsevier Publishing Company, 1971. 844 p.
14. Glare P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1968. 2126 p.
15. Borovskoi Ya.M., Boldyrev A.V. *Uchebnik latinskogo yazyka dlya gumanitarnykh fakul'tetov universitetov*. M.: Vysshaya shkola, 1975. 479 s.
16. Deferrari R.J., Barry, Sister M. Inviolala and McGuinness I. *A Lexicon of St. Thomas Aquinas, based on The Summa Theologica and Selected Passages of His Other Works*. Catholic University of America Press, 1948. 1185 p.
17. Foma Akvinskii. *Summa teologii. T. 3 / Per. s lat. A.V. Appolonova*. M.: Signum Veritatis, 2008. 752 s.
18. Suarez F. *De bonitate et malitia humanorum actuum // Suarez F. Tractatus quinque theologici ad primam secundae D. Thomae*. Lugdunum: Iacobus Cardon, 1628. P. 199–327.
19. Aristotelis *Ethica Nicomachea / Ed. by Ingram Bywater*. New York: Cambridge University Press, 2010. 280 p.
20. Aristotel'. *Sobr. soch.: v 4 t. T. 4*. M.: Mysl', 1983. 830 s.
21. Groot H. *De iure belli ac pacis / Ed. B.J.A. de Kanter-van Hettinga Tromp*. Leiden: E.J. Brill, 1939. 1046 p.
22. Grotius G. *O prave voiny i mira / Per. s lat. A.L. Sakketti*. M.: Ladimir, 1994. 868 s.
23. Suarez F. *De legibus, ac deo legislatore*. Moguntia: Mylius Birckmannus, 1619. 725 p.
24. Suarez F. *A Treatise on Laws and God the Lawgiver // Selections from Three Works of Francisco Suárez, S.J / The translations, prepared by Gwladys L. Williams, Ammi Brown and John Waldron, with revisions by Henry Davis*. Oxford: Clarendon Press, 1944. P. 3–646.
25. Irwin T. *The Development of Ethics. Volume 2: From Suarez to Rousseau*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 936 p.
26. Leibniz G.W. *Sämtliche Schriften und Briefe / Ed. Preussischen Akademie der Wissenschaften. Series six, vol. 1*. Darmstadt: Otto Reichl Verlag, 1930. 593 p.
27. Du Cange et al. *Glossarium mediæ et infimæ latinitatis*. 10 Voll. Vol. 5. Niort: L. Favre, 1885. 659 p.
28. Tsitseron. *O predelakh blaga i zla. Paradoksy stoikov / Per. s lat. N.A. Fedorova*. M.: RGGU, 2000. 474 s.
29. Cicero. *De Finibus Bonorum et Malorum: Libri Quinque / D. Io. Nicolaus Madvigius recensuit et enarravit*. Cambridge University Press, 2010. 869 p.
30. Goclenius R. *Lexicon philosophicum*. Francofurtus: Matthias Beckerus, 1613. 1143 p.
31. Aegidius de Coninck. *De moralitate, natura et effectibus actuum supernaturalium in genere et fidei, spe, ac charitate, speciatim, libri quatuor*. Lutetia Parisiorum: Edmundus Martinus, 1624. 597 p.
32. Korzo M.A. *Pedagogicheskaya sistema iezuitov // Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoi mysli v epokhu Drevnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya / Pod red. T.N. Matulisa*. M.: Izd-vo RUDN, 2004. S. 469–532.
33. Hochstrasser T.J. *Natural Law Theories in the Early Enlightenment: Contexts and Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 246 p.
34. Pufendorf S. *Specimen controversarium circa jus naturale ipsi nuper motarum*. Osnabrugus: Johann Georgius Schwanderus, 1678. 270 p.
35. Schneewind J.B. *The Invention of Autonomy: A History of Modern Moral Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 652 p.
36. Darwall S. *Grotius and the Creation of Modern Moral Philosophy // Darwall S. Honor, History, and Relationship: Essays in Second-Personal Ethics II*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 156–188.